

ЭВОЛЮЦИОННЫЙ ПОДХОД И РОСТ НАУЧНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ (предварительные замечания)

Н.А. МАКАШЕВА

*доктор экономических наук, профессор,
Институт научной информации по общественным наукам РАН,
Государственный университет – Высшая школа экономики, Москва*

Если бы вопрос о возможности применения эволюционного подхода к анализу процесса роста экономического знания был задан К. Попперу, то, скорее всего, мы бы получили на него положительный ответ. Однако этот ответ предполагал бы некоторое разъяснение, основанное на попперовской эволюционной эпистемологии. Прежде всего, для Поппера дарвиновская теория отбора является *метафизической исследовательской программой*, т.е. не научной теорией в строгом смысле, а «концептуальным каркасом для проверяемых теорий» [18, р. 167–169]. Далее, с его точки зрения, сама способность человека познавать является результатом эволюционного отбора. Что же касается эволюции научного знания, то, согласно Попперу, она представляет собой специфический вариант механизма проб и ошибок. Этим способом происходит развитие любых организмов: ошибки – ошибочные мутации – устраняются путем устранения соответствующего организма. Но когда речь идет о человеке и процессе познания, ситуация коренным образом меняется: благодаря развитию дескриптивного и аргументативного языка, т.е. языка, приспособленного для описания и аргументации, человек «получил возможность критиковать свои собственные ошибочные пробы, свои теории. Эти теории уже не являются составной частью его организма или его генетического кода: они могут быть сформулированы в книгах или журналах, их можно критически обсуждать и доказывать их ошибочность... не уничтожая их носителей» [9, с. 317–318].

Именно процесс критического переосмысления теории, сама возможность которого обусловлена существованием языка, позволяющего относиться к теории (знанию) как к объекту, т.е. критически [10, с. 57–58], и определяет эволюцию знания как движение в направлении улучшения – теории становятся лучше, т.е. дают лучшую информацию о действительности. Можно, конечно, обсуждать, как и предлагал Кун, является ли критический дискурс одинаково значимым в разные периоды развития науки, и даже более того, не является ли он характеристикой скорее философии, нежели науки [5, с. 541–542], но, наблюдая за развитием экономической науки, мы должны признать, что независимо от подобных уточнений наличие критической традиции важно как в периоды «спокойного» развития науки, так и в периоды резких изменений. Остается, разумеется, вопрос об условиях, при которых критицизм является продуктивным, т.е. о существовании некоторого общего контекста, общих норм научного дискурса и т.д., позволяющих воспринимать критику адекватным образом. Но это отдельный вопрос, который мы не будем затрагивать.

Признание важности критической традиции возвращает нас к вопросу, которого Поппер касался еще в «Логике социальных наук» (примерно в то же время, когда были написаны основные работы Т. Куна и И. Лакатоша), – об объективности полученного знания. Объективность он непосредственно связывал с существованием критической традиции, а через нее и с социологическими и институциональными обстоятельствами.

По мнению Поппера, «научная объективность – это не дело отдельных ученых, а социальный результат взаимной критики, дружески-вражеского разделения труда между учеными, их сотрудничества и их соперничества. По этой причине она зависит отчасти от ряда *социальных и политических обстоятельств, делающих такую критику возможной* (курсив мой. – Н.М.) [8, с. 305–306].

Естественно, что для Поппера значение так называемых *внеаучных обстоятельств* определялось их возможным воздействием на процесс критики, более того, они (вернее, некоторые из них) и делают возможным этот процесс. К числу таких обстоятельств он относит, например, существование научных школ, публикации в конкурирующих изданиях, конференции и т.д., иначе говоря, все то, что мы обычно называем научным сообществом с его структурой, существующими традициями и нормами.

Кун и Лакатош сделали научное сообщество главным действующим лицом процесса роста знания, фактически закрепив за ним функцию отбора, т.е. функцию, которую в живой природе выполняет среда. Как известно, схема Куна ориентирована на рассмотрение процесса роста знания скорее как однонаправленного и предполагающего как нормальные периоды накопления знания, так и революционные периоды смены парадигм. Лакатош изменил схему, прежде всего приняв более сложную структуру и характер научного сообщества и его связь с познавательным процессом [6]. И это позволило отказаться от линейности процесса роста знания и признать возможность сосуществования нескольких парадигм, равно претендующих на научную достоверность и воздействующих на структуру научного сообщества. С эволюционной точки зрения это означает очень важный факт – а именно, что процесс роста знания воспроизводит разнообразие. Последнее, как известно, считается биологами необходимым условием эволюции.

Однако вопросы, касающиеся механизма поддержания разнообразия и процесса отбора теорий научным сообществом, – это вопросы, которые находятся в зоне ответственности конкретных научных дисциплин с их специфическим образом устроенными научными сообществами и специфическими «внеаучными» факторами, влияющими на познавательный процесс в данной области. Эволюционный подход выступает здесь в роли метаподхода, обеспечивающего общие рамки рассмотрения эпистемологических, социологических, психологических аспектов процесса роста научного знания.

Важно подчеркнуть, что и Кун, и Лакатош работали с естественными науками, и хотя их схемы универсальны, при попытках их применить к общественным наукам и экономике в особенности – в силу ее особой роли в обществе – возникают проблемы, особенно сложные, когда заходит речь о применении эволюционного подхода как исследовательской программы при анализе роста экономического знания.

Проблема распространения эволюционного подхода на небиологические области присутствовала уже у Ч. Дарвина. Сам Дарвин упоминал в связи с этим о языке, рассматривая его как результат процесса эволюции. Популяризатор и последователь Дарвина У. Джеймс утверждал, что *идеи подвержены случайным изменениям и выживших отбирает социальная среда*. Более активную экспансию эволюционных (дарвиновских) идей на область социальных процессов предпринял, как известно, Г. Спенсер, который попытался придать эволюционным идеям Дарвина универсальный характер, и он был не одинок.

Универсализм дарвиновского подхода определяется тем, что, изначально претендуя на статус теории развития биологических объектов, объясняющей некоторые общие механизмы в области живой природы, он стал системой идей, которая «приложима ко всем *открытым, сложным и развивающимся системам*, независимо от конкретных механизмов наследования или репликации» [16, р. 273]. И в этом своем качестве дарвиновский подход приложим к анализу роста научного знания вообще и экономического в частности.

История взаимоотношений экономической науки и экономистов с эволюционным подходом весьма длительна, довольно драматична и многопланова. Она начинается с Т. Мальтуса, который, как принято считать, «подбросил» идею эволюции Дарвину, и Д. Рикардо, которого можно отнести к стихийным эволюционистам. Не следует забывать и К. Маркса с его попыткой, основываясь на принципе эволюции, соединить теорию и историю и предложить универсальную схему социального развития. Но нас больше интересу-

ет Т. Веблен, который первым на методологическом уровне поставил вопрос о роли эволюционной программы в экономической науке и одновременно указал область, где эта программа может быть применена. Однако это не была область экономики в современном смысле слова. Веблен видел перспективу для эволюционного подхода в области, которую стали называть институционализмом (теперь, мы бы уточнили, – старым институционализмом). Для него объектом эволюции был институт, который он понимал как «привычный образ мысли». Веблен определял эволюцию общества как постоянный и идущий с запаздыванием процесс «реорганизации институтов и привычных взглядов согласно изменяющемуся окружению». Однако, говоря о привычных взглядах, он имел в виду прежде всего образ мысли, который определяет тип взаимодействия людей друг с другом [4, гл. 8], а не образ научной мысли, т.е. совокупность теоретических представлений об экономике.

Нет сомнения в том, что важнейший шаг в направлении привлечения эволюционных идей в экономическую науку сделал Й. Шумпетер. Но, несмотря на то, что проблематика развития – начиная от развития технологии и кончая развитием экономического анализа и экономических систем – была для него центральной, его трудно отнести к «безоглядным» эволюционистам. Осторожность Шумпетера в данном вопросе была связана с опасениями, что некритическое заимствование понятий может привести к проникновению в науку мистики, дополненной «флюидами дилетантизма» [12, с. 148–149]. Поэтому он достаточно определенно очертил области, где эволюционный подход мог быть плодотворным: во-первых, при противопоставлении «органичности» капиталистической системы жесткости планирования при социализме, а во-вторых, при описании определенных аспектов системы частного предпринимательства как борьбы за существование, когда «концепция выживания наиболее приспособленных может быть *сформулирована не тавтологически*» [12, с. 1039].

Методологическая важность подхода Шумпетера, на наш взгляд, состоит, во-первых, в том, что центральным моментом развития стало появление нового, а во-вторых, это новое и деятельность, связанная с его разработкой, были представлены как *отклонение* (сознательное или нет) от существующего стандарта, сопряженное с риском. Что касается истории идей, то в этой области отнести Шумпетера к эволюционистам вряд ли возможно.

Сегодня, по-видимому, даже в большей мере, чем раньше, актуален вопрос о том, что такое эволюционный подход как некий общий принцип, общенаучная исследовательская программа, «метафизическая программа», в терминологии Поппера, и в какой мере и под влиянием каких обстоятельств сама эта программа может и должна улучшаться, когда речь идет о ее применении к области социальных явлений и идей.

Точка зрения, высказанная более ста лет назад Ч. Пирсом, предполагает принципиальный – на космологическом уровне – положительный ответ на вопрос об эволюции эволюционной программы. Однако эволюция программы, о которой может идти речь в данном контексте, предполагает – и такова, насколько мы понимаем, позиция Дж. Ходжсона – не столько реагирование на достижения биологии в понимании основных механизмов эволюции (это было бы слишком «биологично»¹), сколько осмысление и уточнение дарвиновских принципов как на философском уровне, так и применительно к социальной области. Хотя нельзя не признать, что некоторые достижения современной биологии помогают не только биологам лучше понять процессы мутации, наследования и отбора, но и расширяют наши представления о процессе эволюции. Они порой позволяют также понять, какие положения дарвинизма и/или следствия из них наиболее существенны для продвижения в анализе социальных процессов в целом и развития научных идей в частности.

¹ Заметим, что некоторые открытия современной биологии очень хорошо «подходят» для обществоведов, например, латентность мутантных генов является хорошей биологической аналогией известного из истории факта, когда высказанные каким-либо ученым идеи долгое время оказываются невостребованными, вновь открываются и начинают «работать», когда складываются определенные условия.

Сегодня мало кто будет оспаривать утверждение, что процесс производства знания не является полностью независимым от политических, экономических и прочих внешних обстоятельств. Однако вопрос о том, можно ли вслед за Поппером считать, что действие этих «внеаучных» факторов имеет временный характер и в долгосрочной перспективе элиминируется, или же оно имеет в каком-то смысле необратимый характер (действует по типу *path-dependence*, т.е. зависимости от прошлого пути развития), остается нерешенным. Разброс мнений здесь велик: от позиции, что никогда наука не была свободна от власти и ее развитие, так же как и выполнение ею эпистемологических функций, испытывает влияние со стороны власти, до представления о науке как о «чистом» производстве объективного знания. Заметим, что первая точка зрения вовсе не обязательно относится исключительно к общественным наукам.

Существует точка зрения, что сам по себе процесс профессионализации естественной науки происходил вместе и в неразрывной связи с возникновением соответствующих социально-организационных форм, а через них – с властью. Причем последняя понимается по Фуко – как дисциплинарная власть, играющая не только юридическую, запрещающую, но и продуктивную роль [11, с. 60]. И эта продуктивная роль проявляется, в частности, в том, что власть обеспечивает научной элите условия для творчества и одновременно создает ей возможность *определять сферу научных интересов и занятий других* [11, с. 163]. Более того, даже Кун, который изначально имел в виду «чистый» процесс роста знания, в «Дополнении 1969 года» признал значение доступа одной из конкурирующих научных групп к власти для устранения разногласий и установления собственного доминирования. И здесь, а именно при анализе *процесса* конкуренции идей и отбора парадигм, мы возвращаемся к вопросу о перспективах использования эволюционной программы.

Тот факт, что рост научного знания и прогресс науки неотделимы от действия психологических, социологических, политических и прочих факторов, возникающих в самом научном сообществе, признавался многими экономистами, причем даже вне связи с эволюционными идеями. Так, М. Алле, например, обращал внимание прежде всего на психологическую сторону: «...всякий реальный прогресс науки наталкивается на тиранию господствующих идей и “истеблишмента”, продуктом которого они являются. Чем более распространены господствующие идеи, тем более укоренены они в человеческой психологии, тем труднее заставить признать ту или иную новую концепцию, какой бы плодотворной она ни оказалась в последующем. Господствующие идеи, какими бы ошибочными они ни были, *при простом и неустанном повторении* (запомним это. – *Н.М.*) приобретают в конце концов характер установленных истин, которые нельзя поставить под сомнение, не подвергаясь остракизму со стороны “истеблишмента”... Именно это сопротивление новым идеям и объясняет тот факт, что в области экономической науки потребовалось столько времени, чтобы стали известны фундаментальные открытия Дюпюи, Вальраса, Эджуорта, Парето и многих других» [1, с. 15]. Но здесь отражена, хотя и неявно, и другая сторона – эпистемологическая.

Для Шумпетера, пожалуй, большее значение имели социологические аспекты: «подлинно научные (не совсем понятно, как эту подлинность можно определить и что здесь Шумпетер имел в виду. – *Н.М.*) школы являются социологическими реалиями – живыми организмами. Они имеют свою структуру... свои флаги, свои боевые кличи, свои человеческие интересы... Все это дает простор для борьбы личных тщеславий, интересов и склонностей, которые могут, как это бывает и в национальной и международной политике, затмить и вытеснить любые реальные проблемы» [12, с. 1074–1075]. Обобщая, можно сказать, что между парадигмами и научным сообществом существует сложное взаимодействие: сообщество отбирает парадигмы, а парадигмы формируют сообщество. Результат этого взаимодействия проявляется в установлении в течение некоторого времени поддерживающегося соотношения между парадигмой и сообществом, с одной стороны, и между несколькими парадигмами (редко устанавливается полное господство одной) и соответствующими научными группами – с другой.

Консерватизм научного сообщества, связанный с указанными факторами, приводит к тому, что какое-то время неудачи при решении «головоломок» старыми средствами

трактуются прежде всего как неудачи отдельных ученых, а не принятой теории. И пока такое положение сохраняется, научное сообщество не будет готово отказаться от старой парадигмы и воспринять новую.

Для обозначения подобного состояния, в принципе, можно использовать куновский термин «нормальная наука», однако в несколько модифицированном смысле, допускающем существование даже в этом состоянии нескольких парадигм и влияние «внешних» факторов на процесс не только установления, но и поддержания некоего соотношения (равновесия) между ними.

Для объяснения этих процессов в рамках эволюционного подхода некоторые исследователи обращаются к принципу path-dependence. В относительно недавней работе Джозинк и Вромен [17] для обозначения «равновесия» в науке вводят специальный термин – «конвенциональная наука». Введение нового термина оправдывается тем, что процесс формирования канона (установления конвенции), или процесс «конвенционализации», трактуется как path-dependent с присущими этому типу процессов самоусиливающимися эффектами в духе Б. Артура (эффект масштаба) [14] и позитивными обратными связями, как у П. Дэвида [15]. И эти эффекты можно отнести на счет «внеаучных» факторов. Кроме того, использование понятия «path-dependence» заставляет обратить внимание на элементы случайности в развитии науки и на то, что вероятности ее перехода от одного состояния к другому в процессе движения к новой парадигме изменяются в зависимости от предыдущих состояний.

Применение эволюционного подхода и принципа path-dependence привело указанных авторов к утверждению, во-первых, что процесс эволюции идет скорее через усовершенствование, добавление, «подправление» существующих парадигм, чем через их смену, т.е. *скорее эволюционным путем, нежели революционным*, а во-вторых, что появление и утверждение новых парадигм не обязательно свидетельствует о кризисе, а может происходить в результате осознания того, что конвенциональная наука исчерпала свой потенциал². Но следует подчеркнуть, что под маской «улучшения» часто предпринимаются небольшие шаги *от* существующей парадигмы. И такое поведение является рациональным в принятом в экономической теории смысле, поскольку, «поступая так, ученые не просто добавляют что-то к существующему запасу знания, а оттягивают внимание от конвенциональной науки» [17, р. 221], одновременно избегая враждебного к себе отношения. На микроуровне подобное поведение может быть объяснено в рамках модели рационального поведения: субъект (ученый) стремится минимизировать потери, связанные с отказом от конвенциональной теории.

Предложенная модель, очевидно, добавляет аргументы в пользу трактовки роста научного знания как эволюционного, а не революционного процесса. Она демонстрирует возможности, которые открывает использование эволюционного подхода при анализе эволюции знания. Однако, как нам представляется, включение в рассмотрение «внеаучных» факторов не обязательно способствует подтверждению тезиса о плавном, эволюционном характере процесса роста знания. Тип их влияния зависит, по-видимому, от институциональных и эпистемологических особенностей соответствующей научной дисциплины и от природы этих «внеаучных» факторов. И здесь мы вновь обращаемся к специфике экономической науки.

Как отмечал с огорчением Мизес, современная эпоха – это эпоха интервенционизма, и в эту эпоху экономическая наука помещена в пространство политического дискурса [7, с. 809–825]. В этом случае полем, на котором конкурируют парадигмы, оказывается не только поле объективного знания, но и поле политических рекомендаций и идеологических установок. Политика, в отличие от науки, предполагающей упрощение и расчленение, требует понимания «органической взаимосвязи вещей, которую чрезвычайно трудно, а может, и невозможно сформулировать» [12, с. 1071]. В результате экономи-

² Полагаем, что исчерпание потенциала можно трактовать как возникновение «головоломок», т.е. в духе обычной схемы.

ческая наука, с одной стороны, ориентирована на поиск объективной истины, а с другой – вовлечена в дискуссии, выходящие за рамки научного дискурса. Связь между политической и теоретической областями может оказаться весьма причудливой. Поэтому, когда речь идет о различных парадигмах в экономической науке, часто оказывается, что их строгое сопоставление практически невозможно. Что же касается политических рекомендаций, связанных с этими парадигмами, то борьба между ними ведется по правилам политической борьбы, а не научных дебатов. В итоге конкуренция между парадигмами проявляется в борьбе их сторонников за ресурсы различного рода, что накладывает отпечаток и на собственно научные дебаты.

Процессы, происходившие в экономической науке в нашей стране и других бывших социалистических странах в конце 1980-х и в 1990-е гг., свидетельствуют, на наш взгляд, о необходимости корректировки эволюционной модели роста знания. Во-первых, подтверждается важность «вненаучных» факторов: радикальная смена парадигм произошла под прямым воздействием политических обстоятельств, которые повлияли на научное сообщество и способствовали его отказу от старой парадигмы. (Заметим, что сходным образом происходил процесс перестройки отечественной науки и в 1920-е гг.).

Во-вторых, сам этот процесс (отказа от старой парадигмы и принятия новой) был достаточно продолжительным, и его участники действовали сначала главным образом стремясь улучшить старую парадигму, обращаясь к просветительской деятельности и т.д. Но по мере того, как старый научный истеблишмент утрачивал свое влияние и неудачи в решении «головамолок» стали восприниматься как неудачи всей старой системы знания, был признан необходимым переход к новой парадигме и создавались условия для восприятия новых идей.

В-третьих, поскольку марксистская политическая экономия была не только парадигмой в науковедческом смысле слова, но и мировоззрением, отказ от нее означал разрушение научного сообщества и общего пространства научного дискурса.

В-четвертых, в результате отказа от марксизма сложилась ситуация, когда одна часть научного сообщества была ориентирована на поиск «новой картины мира» (новой парадигмы в специфическом смысле этого слова), а другая – на скорейшее освоение новой для данного сообщества, но уже давно существующей вне его парадигмы – западной экономической теории. Эту ситуацию можно определить как глубокий методологический и эпистемологический диссонанс.

В-пятых, особое значение в борьбе этих двух направлений стало придаваться сфере образования (что вполне вписывается в эволюционную парадигму: образование можно трактовать как процесс наследования), поскольку именно через образование институционально решается проблема демаркации научного и ненаучного знания и формируется представление о «нормальном» члене научного сообщества.

Признавая важность «вненаучных» факторов в процессе роста знания вообще и экономического в особенности, мы вынуждены обратить внимание и на сами понятия «эволюция» и «революция» применительно к соответствующей области знания. Очевидно, что «революция» предполагает быстрые и часто разрушительные изменения, замену одного другим. При этом «быстрое», очевидно, следует понимать по отношению к периоду жизни соответствующих парадигм. И здесь нам приходится вспомнить некоторые эпизоды из истории экономической мысли и коснуться некоторых стереотипов ее восприятия.

Принято говорить о маргиналистской революции. Безусловно, впечатляющим было практически одновременное – в начале 1870-х гг. – появление основополагающих работ Л. Вальраса, У.С. Джевонса, К. Менгера. Но даже тем, кто находился под впечатлением подобного события, никогда не удавалось ни убедительно подтвердить факт революционного переворота, ни объяснить его движущие силы. Что касается «календарной проблемы», то скорее можно найти факты в пользу антиреволюционности. Здесь можно вспомнить Курно (1838), Дюпюи (1844), Госсена (1854), М. Росси (1843), Сениора (1836), Ллойда и Лонгфилда (1834) и даже русского немца Шторха (1815), наконец, Галиани (1750), которые в той или иной степени обращались к потребителю и обсуждали проблему цен в связи с полезностью. Блауг называет период с 1834 (заметим, это год рож-

дения Вальраса) по 1874 г. временем, когда в разных странах независимо открывалась предельная полезность [2, с. 284]. Но он же считает возможным, ссылаясь на социолога Р. Мертона, рассматривать этот факт как проявление некоторой внутренней логики науки и, не взирая на столь длительный период, говорить о «залпе». Тогда главная проблема – выяснить эту внутреннюю логику и силы, ее выражающие. И здесь опять факты скорее против идеи революционной смены парадигм. При более внимательном рассмотрении оказывается, что применительно к последней трети XIX в. вообще трудно говорить о каком-то явном лидерстве в экономической науке. Во всяком случае, это не смитианство, не рикардрианство и не марксизм, хотя при противопоставлении этих школ маржинализму можно прийти к проблеме связи между процессами в науке и в социально-экономической реальности³. Возможно, с большим основанием можно говорить о доминировании исторической школы, но не столько потому, что Менгер вступил со Шмоллером в открытое противостояние, сколько потому, что границы исторической школы недостаточно точно очерчены, а предметная область очень обширна.

Сказанное выше относится лишь к первому этапу «революции» – до момента появления трех знаменитых работ – обстоятельства, которое, собственно, и породило идею революции. Однако, если период до 1871 г. считать прелюдией революции, а работы Менгера, Джевонса и Вальраса – «залпом», следует признать, что у этого «залпа» было эхо в виде менее известных произведений Ауспица и Либена (1889), Лаунгардта (1885). Но тогда возникает вопрос о времени завершения революции. Можно, как это часто делается, считать таким моментом появление «Принципов» Маршалла в 1890 г. Но это, безусловно, весьма оптимистическая дата. Известно, например, что Вальрас едва ли не до конца жизни страдал от пренебрежительного отношения к своей работе, а умер он в 1910 г.⁴ Более того, мало кто в конце XIX – начале XX в. объединял Менгера, Джевонса и Вальраса как отцов-основателей нового теоретического направления, историки экономической мысли в этот период вообще не упоминали о маржинализме.

Думаем, правомерно утверждать, что сдвиг научного сообщества в пользу новой парадигмы – маржинализма – занял многие годы и был совсем нелегким. Это тем более понятно, если вспомнить, что экономическая наука последних десятилетий XIX в. понималась в основном как наука об управлении, а большинство экономистов были озабочены решением социально-экономических проблем и не были склонны принять «абстракционизм» сторонников маржинализма. Однако, восстанавливая картину наступления маржинализма, следует иметь в виду одно чрезвычайно важное обстоятельство. А именно, что это наступление происходило параллельно и во взаимосвязи с процессом профессионализации экономической науки и, в частности, формирования самого научного сообщества. Поэтому, когда мы говорим о том, что научное сообщество тяжело переходило под знамена маржинализма, мы должны понимать, что само это сообщество одновременно таким образом формировалось. И возможно, это обстоятельство и объясняет то, что маржинализм стал базисом всей современной экономической науки. И именно здесь мы вправе говорить о path-dependence с присущими этому процессу положительными обратными связями и эффектами.

Что же касается термина «революция» в его куновском смысле, то, принимая во внимание указанные выше обширные календарные рамки (охватывающие как минимум три десятилетия, а в действительности даже больше), использование его кажется скорее вводящим в заблуждение, чем что-то разъясняющим. И ссылка на то, что в науке допарадигмального периода революция только и может быть такой «растянутой», мало помогает, а скорее убеждает, что ее вовсе быть не может.

Несколько иначе вырисовывается картина кейнсианской революции. Так же как и в случае с маржинализмом, ряд идей Кейнса можно найти задолго до него; он сам ссылался на меркантилистов, Мальтуса и Мандевиля, Бентама и более близких по времени Гезелла, Гобсона и Меммери как на идейно близких ему людей. Но между этими двумя революциями есть два принципиальных отличия. Во-первых, к 1930-м гг. профессиональ-

³ Примером элегантного решения этого вопроса является известная работа Бухарина [3].

⁴ См. [4, с. XII].

ное сообщество вполне сформировалось и занялось «высокой теорией», процесс распространения идей внутри научного сообщества стал достаточно быстрым, так же как и реакция на эти идеи. Во-вторых, на движение научной мысли существенное влияние стали оказывать политические обстоятельства.

В случае с маржинализмом появление, формирование и утверждение нового канона определялось процессами внутри науки, при том что, разумеется, психологические и социологические обстоятельства играли определенную роль. В случае же с кейнсианством ситуация была иной. Главной причиной критических нападков на то, что Кейнс назвал классической теорией, и то, что через его изложение предстает перед нами как доминирующая парадигма, явилось не внутреннее противоречие теоретического ядра этой парадигмы, а его несоответствие новым реалиям. Выступив с критикой классиков, Кейнс поставил под сомнение методологическую установку, которая была важнейшим методологическим достижением классики (как старой, так и новой), – ее универсальность. И в этой борьбе с доминирующей, но в действительности еще не успевшей в полной мере насладиться господствующим положением парадигмой политико-экономические обстоятельства выступили в роли стимулирующего фактора и стали фоном для научных дискуссий, обеспечивая дополнительное давление в пользу быстрого принятия новой, кейнсианской, парадигмы. В итоге кейнсианская революция произошла за период немногим более десятилетия, если считать от появления «Общей теории» до учебника Самуэльсона, или три десятилетия, если считать до ее триумфа в 1960-е.

Как политические обстоятельства могут вмешиваться в процесс роста научного знания и развитие науки, можно видеть на примере нашей страны. Так, в России и в 1920-е, и в 1990-е гг. отказ от старой парадигмы был обусловлен не выбором научного сообщества, пусть и под давлением внешних обстоятельств, а политическими и идеологическими причинами. Именно это обеспечило быстрый переход к новой парадигме, причем в обоих случаях, и это следует подчеркнуть, одновременно происходил процесс радикального изменения, можно сказать, создания нового научного сообщества. В 1920-е гг. формировалось то, что стало потом сообществом советских политэкономов, этот процесс предполагал оттеснение ученых старой школы и «выращивание» новых (порой, из старых). В 1990-е начался процесс распада старого научного сообщества, сформированного в советское время, и на его обломках начало формироваться нечто, что пока еще не стало научным сообществом в принятом смысле.

Таким образом, можно высказать несколько гипотез. Во-первых, что скорость революционных сдвигов в экономической науке зависит от целого ряда «вненаучных» факторов: социологических (состояние и просто наличие научного сообщества, его структуры, типов взаимодействия между различными школами); психологических (инерционность мышления ученых); институциональных (сложившиеся традиции в издательской области, структура образования и т.д.), которые, как правило, действуют в сторону замедления процесса преобразований; наконец, от политических и идеологических, действующих извне и, как правило, ускоряющих этот процесс. Во-вторых, что процесс роста научного экономического знания имеет скорее эволюционный характер, т.е. изменения осуществляются постепенно и достаточно медленно, быстрые же сдвиги происходят под воздействием «вненаучных» факторов, прежде всего политических и идеологических.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алле М. Современная экономическая наука и факты // THESIS. 1994. № 4.
2. Блауг М. Экономическая мысль в ретроспективе. М., 1994.
3. Бухарин Н.И. Политическая экономия рантье. М., 1925.
4. Веблен Т. Теория праздного класса. М., 1984.
5. Кун Т. Логика открытия или психология исследования? // Кун Т. Структура научных революций. М., 2003.
6. Кун Т. Структура научных революций. М., 2003.
7. Мизес Л. Человеческая деятельность. Трактат по экономической теории. М., 2000. Гл. 37–38.
8. Поппер К. Логика социальных наук // Эволюционная эпистемология и логика социальных наук. М., 2000.

9. *Поппер К.* Разум или революция? // Эволюционная эпистемология и логика социальных наук. М., 2000.
10. *Поппер К.* Эволюционная эпистемология // Там же.
11. *Сокулер З.А.* Знание и власть: наука в обществе модерна. СПб., 2001.
12. *Шумпетер Й.* История экономического анализа. СПб., 2001.
13. *Шумпетер Й.* Мари Эспри Леон Вальрас (1834–1910) // Вальрас Л. Элементы чистой политической экономики, или Теория общественного богатства. М., 2000.
14. *Arthur B.* Competing technologies, increasing returns, and lock-in by historical events // *Economic journal*. 1989. Vol. 99. P. 116–131.
15. *David P.* Understanding the economics of QWERTY: The necessity of history // *Economic history and the modern economists* / Ed. by W.N. Parker. Oxford, 1986.
16. *Hodgson G.M.* Darwinism in economics: from analogy to ontology // *J. of Evolutionary Economics*. 2002. № 12.
17. *Jolik A., Vromen J.* Path dependence in scientific evolution // *Evolution and path dependence in economic ideas* / Ed. by P. Garrouste and S. Ioannides. Cheltenham, 2001.
18. *Popper K.* *Unended Quest*. L.: Routledge, 1976.